

Идея дома в сказках и мифах Древнего Египта

Панищев А.Л.

Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета

*Полз я ползком от голода, а теперь я одеваю
хлебом соседа... Прекрасен мой дом,
обширно поместье моё, и помнят обо мне
во дворце. О бог, предначертавший моё
бегство, кто бы ни был ты, будь милосерд,
приведи меня в царский дворец!
Быть может, ты дашь мне узреть края, где
сердце мое бывает всякий день. Что желаннее
погребения в той стране, где я родился?*

Из рассказа Синухе [1, 43-44].

Познание окружающего мира есть процесс многогранный и сложный, отражаемый в различных областях жизни человека. Одной из таких областей является культура. Следует подчеркнуть специфику познания естественно-физического бытия в системе культурных отношений как особенную, отличную от других своей оригинальностью, своеобразием, ибо в данном случае предполагается изучение мира не просто как стороннего объекта познания, а, прежде всего, чрез призму человеческой сущности, в соответствии со свойствами человеческой природы. Эта специфика обращает наше внимание к проблеме соотношения природы человека и того мира, в котором он живёт. Такого рода соотношение оказывается отнюдь не простым, потому что, при ближайшем рассмотрении поднятой темы, выясняется то, что человек и мир в сущности онтологически чужеродны друг другу. Неудивительно то, что, пока человек находится в естественном состоянии, процесс познания мира приносит для него больше загадок, вопросов, нежели не оставляющих сомнений ответов. «Познание наше болезненно не потому, что субъект конструирует объект..., а потому, что всё бытие наше болезненно, что мир греховен, что всё в мире разорвано», – пишет Н.А. Бердяев [2, 127]. Только разрешение онтологического соотношения человека с миром позволит ему решить задачи гносеологии. Для человека, живущего в естественном мире, справедливы библейские слова: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Евангелие от Матфея, 8 : 20). Природное состояние человека оказывается разрушительным для него самого, ибо для физического выживания бывают редко полезны свойства человеческой природы. Однако нормы животной жизни, столь эффективные для завоевания жизненного пространства в естественно-физическом мире, как правило, оказываются разрушительными для природы человека.

«Животное – не доброе и не злое, а человек в животном состоянии дик и зол, он таков, каким не должен быть. Таким, каков от природы, он быть не должен, но должен быть таким, каков он есть посредством духа...» [3, 422]. Чтобы сила естественных, но неприятных атрибутов жизни в природе всецело не поглотила человека, ему нужна среда, которая, хотя бы периодически, как бы вырывала его из мира животного выживания и обращала бы к человеческому бытию, наполненному духовным содержанием. Такой средой является культура. Она, как результат человеческой деятельности, чужеродна естественной природе, а потому почти в каждом своём феномене через творчество человека подчёркивает свою отличность, свою чуждость миру материи. Это не означает того, что культура противостоит естественной природе или враждебна ей, но культура позволяет человеку адаптироваться к ней настолько, насколько это возможно и необходимо для сохранения и развёртывания своих сущностных характеристик.

Одной из областей культурной деятельности человека является искусство сказки, из коего мы проследим, насколько рельефно отражена проблема чужеродности человека тому миру, в котором происходит его жизнь. Целью данной работы будет отражение идеи сущностной чужеродности человека и естественно-физического мира, что автор данной статьи постарался показать на примере отдельных произведений, относящихся к древнеегипетской литературе, а именно: сказкам и мифам Древнего Египта. В данном случае между сказками и мифами ставится некий знак равенства, хотя, разумеется, отличие между ними существует. Конечно, мифы порой нелегко отличить от сказок: для некоторых читателей различие между тем и другим заключается в том, что мифы – это произведения, носящие больше религиозный характер, в своей основе правдивые, причём для многих людей мифы недоступны, но, тем не менее, в них верят. В сказки же не верят, хотя они доступны всем – и детям, и взрослым... Действительное же различие между сказкой и мифом состоит в том, что мифу, как правило, присущ этиологический, то есть объяснительный, элемент, связь с каким-то событием, чертой реальной жизни. Для древних египтян их мифы и легенды ассоциировались не со сказками, а были правдивыми источниками информации, которая никоим образом не ставилась под сомнение. Непризнание такой информации в качестве истины могло восприниматься в качестве кощунства. Здесь будет уместно обратиться к истории Древней Греции, к отношению народа этого государства к мифам. Так, Сократ, критически относившийся к мифологии, был осуждён в 399 году до н.э. за кощунство. Примечательно то, что древнегреческое слово *mythos* употреблялось в значении правдивого рассказа. Такое понимание мифа свойственно не только Древней Греции, но и древнему миру в целом, включая Древний Египет. Однако для современного читателя, особенно юного возраста, древнеегипетские мифы могут видеться такими же сказками, как и сказки «Иван-крестьянский сын и чудо-юдо», «Бой на Калиновом мосту», «Белая уточка» и др. Поэтому-то в контексте данного понимания

позволим себе поставить определённый знак равенства между сказками и мифами.

Среди множества граней литературного наследия, которое можно образно сравнить со сверкающим драгоценным камнем из сокровищницы культуры Древнего Египта, особое место в литературе отводится теме *дома*. Надо отметить, что тема дома в культурах занимает значимое место. Полагаю, что идея дома архетипична для всех народов мира. Даже, если перед нами кочевой народ, не имеющий постоянного домашнего очага, чуждый оседлости, – всё равно, познакомившись с его мифами, легендами, сказками, мы обнаружим там идею дома. Однако примечательно то, что часто дом понимается в метафизическом смысле этого слова, то есть в том контексте, который не связан с представлением о доме в пределах сенсительного бытия. Невольно вспоминается ставший широко известным случай, когда древнегреческого философа Анаксагора обвинили в том, что он не думает о своей Родине, на что мыслитель ответил, что постоянно думает о ней и указал пальцем на небо... Во многом такого плана суждение связано с онтологической чужеродностью человека сенсительному миру. Неспособность в полной мере раскрыть свой духовный и интеллектуальный потенциал, равно, как и неспособность естественно-физического бытия предоставить условия для реализации такого потенциала, порождают чувство неотмирности человеческого существа, то есть ощущение неимения места в окружающем бытии. В определённой степени и по этой причине человек выстраивает своеобразное здание «второй природы», конструируя в своём сознании такие образы, в окружении которых он способен более полно раскрыться. Данные образы фактически достраивают психику человека до работоспособного состояния в смысле духовного делания, позволяют ему в своей активности выходить за пределы животного выживания. Для древних народов, исторический опыт которых не всегда имел должную фиксацию и осмысление, сказки, мифы играли крайне важную роль, во многом беспечивая общество основой для интеллектуального и духовного развития, предоставляя ему тот понятийный аппарат, который служил базой для развития мышления.

Древний Египет сам по себе, согласно воззрениям древних египтян, в сущности являл собой пространство богослужения, так что вполне закономерно то, что сам древнеегипетский народ снискал себе славу наиболее богобоязненного народа древнего мира. Поэтому-то не выглядит чем-то необычным то, что нахождение вне пределов Египта для самих египтян вызывало тоску, которая понималась более глубоко, нежели просто тоска по Родине. Здесь важно понимать: осознание ненадёжности земных дней, ежедневная угроза для жизни, вероятность умереть в любой день и час осмысливалась самими египтянами, прежде всего, чрез призму перехода в иной мир. Сейчас сложно сказать, как именно египтяне представляли себе рай или ад, однако эти представления у них однозначно были развиты, хотя и отличались в описаниях в зависимости от того, какая школа их давала (нам наиболее известны три школы: гелиопольская, гермопольская и мемфисская).

Примечательным является то, что в Египте существовала идея материального воскрешения, которое было доступно не только богам, например Осирису, но и в метафизическом бытии простым смертным людям. Идея воскрешения в материальном мире прослеживается во многих сказках и мифах. Однако сказочные герои, так сказать, согласно велениям Семи Хатхор (богиня судьбы в семи ипостасях), проходили жизненный путь, сильно отличающийся от жизненного пути абсолютного большинства людей. Поэтому-то нас будут интересовать сказки и мифы не столько о воскрешении человека в естественной среде, сколько о роли земного дома при переходе в метафизический мир. Ещё обзримая история Земли не знала такого человека, который был бы избавлен от участи постижения главной тайны бытия, тайны, о которой он в объективном смысле никому не сможет рассказать – тайне смерти. Поэтому проследим, каким образом идея дома, в виде всего пространства Египта, отразилась в литературном творчестве этой удивительной и великой цивилизации.

В одной из самых известных сказок Древнего Египта – «Сказке потерпевшего кораблекрушение» – описывается случай, когда человек вследствие кораблекрушения попадает на остров, на котором живёт большой змей. Причём змей принимает героя сказки весьма приветливо и, успокаивая его, говорит следующее: «Ты вернёшься в царское подворье и умрёшь в городе своём» [1, 36]. Современному человеку, особенно если он атеист, покажется странным утешение в виде напоминания о смерти, которая в любом месте на планете неизбежна. Для египтянина же заверение в том, что он умрёт в своём городе принципиально важно. Такая привязанность к своему дому, наделение его столь сакральным смыслом во многом было связано с убеждённостью в истинности своей религии и, следовательно, в правильности своих ритуалов, среди которых существенное место отводилось погребальному церемониалу. В других регионах мира, как считали сами египтяне, не было людей, которые обладали бы нужным знанием и могли бы совершить правильно ритуал погребения. Только египетская земля хранила в себе тайну данного ритуала, лишь в египетском государстве обеспечивалось его соблюдение из поколения в поколение. В иной земле человек мог бы быть, аки разбойник лютый или блудница коварная, брошен в пустыне на растерзание хищным зверям без погребения и без сохранения своего сах (священные останки, или мумия). Распад же тела, пусть и обездвиженного смертью, резко затруднял осуществление воскрешения в царстве богов. Если в легенде об Осирисе нашли две благородные девы – Исида и Нефтида, отправившиеся во враждебные сирийские земли ради спасения Осириса, то о простом смертном человеке, возможно, будет некому так побеспокоиться. Ведь даже бог Осирис нуждался в правильном проведении обряда, а его недоброжелатели запрятали части его тела в разных местах, в том числе в Сирии – районе, который с древнейших времён воспринимался как враждебный Египту и чуждый его погребальным обрядам.

Выполнение погребального церемониала рассматривалось как существенное условие для воскрешения человека в мире богов. Иначе говоря, для духовного спасения праведная жизнь была, разумеется, нужна, однако также был необходим правильно проведенный ритуал погребения. Если мы постараемся провести аналогию с христианством (хотя это и сложно, так как древнеегипетская религия была языческой), то для христиан умереть без покаяния являлось такой смертью, которая в Древнем Египте означала бы то, что человека схоронили без «правильно» проведенного погребального ритуала. Тем не менее, если покаяние (*тиува* на иврите или *метанойя* на древнегреческом) предполагает самостоятельность силы Божьей Благодати (проявленной в синергии с человеческой волей), а потому не ограниченной в пространственном отношении, то для египтян выполнение ритуала было делом, во многом зависящим от жрецов, обладающих определенным знанием, находящимся только лишь на территории древнеегипетского государства. Во многом по этой причине для египтянина было так важно умереть именно в Египте. Такая установка прививалась египтянам с их раннего детства, и закономерным образом она нашла своё отражение в сказках Древнего Египта.

Собственно говоря, весь Египет для египтянина воспринимался как дом-храм, через который он попадает в божественный мир, где и обретает истинное бытие. Если мы обратимся к «Рассказу Синухе», то увидим, насколько рельефно отражена в ней данная установка. Разумеется, это произведение однозначно сказкой не назовёшь, поскольку в нём повествуется о реальном персонаже, который действительно был вынужден бежать из Египта из-за придворных интриг. Синух благополучно устроил свою жизнь и на чужбине, однако, несмотря на это, считал, что мир, в котором он оказался, противоречит его мировоззрению, Синух никогда не оставлял надежды на возвращение, а поэтому принял приглашение фараона вернуться на Родину с большой радостью. В конце произведения мы находим описание того, какие блага сделал для него фараон. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что основные эти блага связаны не столько с земным пребыванием главного героя рассказа, сколько с его посмертным почтением. В «Рассказе Синухе» написано: «Построили мне пирамиду из камня среди пирамид... Начальник над зодчим города Вечности следил за пирамидой. Всё, что кладут обычно в гробницу, было наготове. Назначили жрецов для посмертных священнослужений. Отвели посмертный надел с полями в должном месте...» [1, 49-50]. Конечно, такое внимательное отношение к погребальным обрядам свойственно всем культурам, но в Древнем Египте сложность ритуалов обусловлена тем, что последние могли проводится не во всяком месте, а лишь в том, над которым простиралась власть фараона, где систематически велась профессиональная подготовка жрецов. Приглядевшись к содержанию многих сказок иных народов (в том числе более поздних произведений по времени их создания), мы увидим, что идея дома существует и в них. Например, русские народные сказки, так или иначе, часто связаны с дальним путешествием героя, который, выполнив

возложенную на него задачу, стремится возвратиться в отчий дом. Между тем специфика идеи дома в сказках и мифах Древнего Египта, думается, была связана, прежде всего, с религиозными верованиями самих египтян, в частности с погребальным ритуалом, мыслимым в значении средства для перехода в иной мир – в котором человек будет не чужеродным существом, а личностью, органичной частью истинного бытия.

Не менее примечательным является то, что в египетских сказках и мифах мы находим не только идею воскрешения мёртвых людей в загробном мире. В принципе для творчества народов, исповедующих православие, такой сюжет вполне допустим, ибо идея теозиса, являющаяся ключевой в православии, предполагает победу человека над смертью. Однако древние египтяне были язычниками, что не помешало им прийти в своём творчестве к идее воскрешения людей в пределах земного бытия. Здесь следует обратить внимание на «Сказку об обречённом сыне фараона», или «Сказку об обречённом царевиче». В большинстве книг перевод этой сказки дан в незавершённом виде, поскольку целостный текст данного произведения до нашего времени не сохранился. Тем не менее в книгах И.В. Рака даётся весь текст сказки, при этом отмечается, что египтологам удалось найти иные фрагменты данного произведения и восстановить эту сказку [4, 112-124; 5, 89-96]. Чтобы стала очевидной идея дома и отношения к дому в культуре Древнего Египта, проанализируем содержание этой сказки. В «Сказке об обречённом сыне фараона» повествуется о царевиче, которому судьбой было уготовано погибнуть либо от собаки, либо от змеи, либо от крокодила. Здесь допустимо предположение того, что царевичу судьба готовила путь государственного преступника, поскольку в Древнем Египте существовал такой вид смертной казни, как укусы ядовитой змеи. Может быть, именно поэтому, из-за опасений вероятного заговора, отец первоначально держал сына в изоляции, а потом санкционировал его дальнейшее путешествие. Причём смерть от крокодила представлялась особенно страшной, поскольку тело человека разрывается, затрудняя путь к загробному воскрешению. Такой смерти могли пожелать лишь самому страшному злодею, чьи деяния рассматриваются как явное богохульство. Не случайно, что при формировании образа чудовища Аммы, пожирающей души грешников (согласно мемфисской школе), крокодил играет существенную роль.

Согласно этой сказке, первоначально отец царевича – фараон – поселяет сына во дворец, изолированный от остального мира [4, 115]. Однако повзрослевший сын настаивает на том, чтобы его выпустили из дворца, после чего покидает Египет. Безусловно, и в самом Египте, за пределами дворцовых стен человек мог погибнуть; но в сказке отмечается, что царевич покидает родную египетскую землю, после чего на него начинают влиять Семь Хатхор, предсказавших ему насильственную смерть. Здесь примечательна взаимосвязь между оставлением египетских земель и состоянием уязвимости по отношению к смертельной опасности. Выхождение из Египта для египтянина было равносильно вторжению в чужеродный, часто враждебный для него мир. Согласно сказке, царевич

отправляется в страну Нихарину (Метания), где добивается любви прекрасной девы – дочери местного царя. Несмотря на то, что царевич скрыл своё социальное положение, назвав себя изгнанником, преданность девицы, описанная в сказке, соизмерима с её необычайной духовной чистотой и добротой. Вскоре она становится царевичу верной женой. В ходе своей жизни царевич подвергался предсказанным опасностям, однако избежал смерти, при этом проявив самоотверженность и благородство. Тем не менее, когда враги напали и покорили Нихарину, он с женой бежал в горы; лай же собаки выдал местоположение беглецов. Враги бросили в царевича копье, но жена заслонила его своим телом и погибла. После этого и сам царевич был зарублен мечами. Бог Ра, наблюдая за происходящим, констатировал свершившуюся судьбу, однако проникся любовью к погибшей супружеской паре. Ра произнёс: «Он не захотел убивать собаку, хотя знал, что она его погубит. Он отказался убивать Водяного Силача, считая, что лучше умереть в крокодильей пасти, чем совершить подлость. Он жил праведной жизнью, соблюдал обряды, приносил нам щедрые жертвы» [4, 123]. После этого боги воскресили благородного царевича и его прекрасную супругу. Здесь мы видим то, что человек, в повседневной жизни презрев смерть, заслужил особого внимания богов. После этого царевич открывает супруге своё настоящее происхождение и возвращается в Египет, а родной дом и счастливо живёт с ней. В данном случае мы опять видим взаимосвязь между идеей дома и идеей безопасности, поскольку только при возвращении в Египет человек обретает спокойную, безопасную семейную жизнь.

Вместе с тем в этой сказке обращает на себя внимание одна немаловажная деталь: когда девица, будучи ещё невестой, говорит своему отцу, что не будет жить без своего суженого, и при этом она клянётся богом Ра, который не имеет к культуре Метании прямого отношения. С одной стороны, это может указывать на то, что в Метании роль египетских культов была очень велика, что являлось вовсе не случайностью, ибо власть египетских фараонов периодически достигала и сирийских земель. С другой же стороны, здесь подчёркивается то, что там, где находится сын фараона, присутствует сам дух египетского бога, незримо влияющий на окружающих людей. Кроме того, верность царевича своей религиозной традиции на чужбине подчёркивается словами бога Ра: «Он... соблюдал обряды, приносил нам щедрые жертвы» [4, 123]. Соблюдение же обрядов было доступно лишь тем, кто их знал, то есть был обучен их совершению. Разумеется, не каждый египтянин мог получить такого рода знания, которые давались детям правящей фамилии. Поэтому-то для рядовых египтян было жизненно важно умереть у себя на Родине, в месте, где их похоронят «по правилам».

В заключение следует отметить то, что сказки, мифы и легенды Древнего Египта воспитывали в людях любовь к своему дому, к своему Отечеству, а в XXI столетии нашей эры рельефно отражают такую установку, которая помогает нашим современникам дорожить своей Родиной.

Используемая литература

1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Издательство «Художественная литература», 1973. – 735 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2002. – 736 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии / Г.В.Ф. Гегель. – 2 т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1976. – 533 с.
4. Рак И.В. Легенды и мифы Древнего Египта / И.В. Рак. – СПб.: «Летний сад», 2001. – 224 с.
5. Рак И.В. В царстве пламенного Ра: мифы, легенды и сказки Древнего Египта / И.В. Рак. – Л.: Детская литература. 1991.

Аннотация

Данная статья посвящена идее дома в сказках Древнего Египта. В работе отмечено то, что для древних египтян дом имел сакральный смысл и понимался в значении пребывания человека в божественном мире. Вся египетская земля мыслилась как пространство богослужения.

В Египте сохранялись знания о погребальном ритуале, который содействовал воскрешению человека в божественном мире. Вне Египта таких знаний не было, а поэтому для египтянина было важно умереть в своём Отечестве, через который человек мог бы попасть в истинный дом человека – в божественный мир.

Summary

This article is devoted to the idea of tale of Ancient Egypt. In the article noted that for ancient Egyptian a home have sacral sense and understanding in context of present human in the divine world. The total Ancient Egypt understands as spice divine service.

In Ancient Egypt keeps knowledge about mortuary rites, which expedites to resurrection human in the divine world. Out of Egypt this knowledge is not having been, that is way for ancient Egyptian was important die in Ancient Egypt, through he can get to the real home of human – in the divine world.

Ключевые слова: сказка, дом, Древний Египет, погребальный ритуал, воскрешение.

Key words: tale, home, Ancient Egypt, mortuary rites, resurrection.

Статья издана:

Панищев А.Л. Идея дома в сказках и мифах Древнего Египта // «3 роду нашого красного»: перша професорка Волині : зб. наук. пр. – Луцьк : Східноєвропейський нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. – С. 283-292.